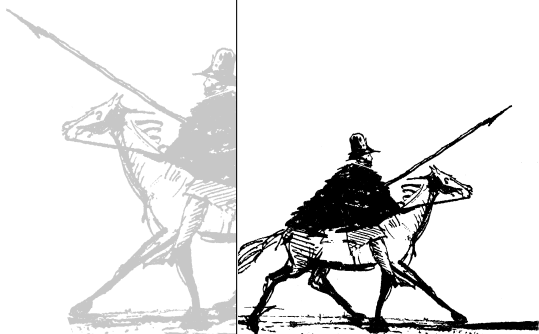

НАШ ПУШКИН – НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ

Валентин Непомнящий,
писатель, заведующий сектором изучения жизни и творчества А.С. Пушкина и председатель Пушкинской комиссии Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук

«Пушкин — это наше всё»... такая затёртая фраза. Пушкина принято уважать и ценить, смутно помня что-то из школьной программы. Обычно о Пушкине, помимо круглых — юбилейных — дат, вспоминают в прессе 19 октября — в день открытия Царскосельского лицея. Но в этот же день Церковь празднует память «неверующего» апостола Фомы, что не может не наводить на некоторые мысли. Что реально Пушкин значит для нас? Понимаем ли мы его? Что знаем о его жизни — не только «событийной», но и внутренней, духовной?

Наш национальный миф

Сейчас Пушкина читают мало — и это, конечно, плохо. Но неужели в XIX веке его читали больше? Думаю, очень небольшая часть населения Российской империи была знакома с его творчеством. Пушкина читали немногие по причине неграмотности большинства жителей России. Но всё же именно образованная часть населения всегда определяла вектор культурного развития всего народа. И потом, как это ни странно, имя Пушкина было тогда популярным даже в среде людей

малограмотных и совершенно не знакомых с его творчеством.

Популярность эта возникла самым парадоксальным и даже сказочным образом. Вплоть до существования целого ряда «мифов о Пушкине». В статье А.А. Анненковой «Пушкин в простонародном сознании» были собраны воедино сведения из разных источников. Оказывается, среди неграмотных людей в России бытовали различные слухи о Пушкине как о народном герое. По одной версии, именно он посоветовал царю освободить крестьян, поскольку царь его очень почитал и прислушивался к его мнению.

Ещё один вариант этого же мифа гласил, что Пушкин умер не на дуэли, а... в темнице, закованный в цепи за то, что стремился опять же освободить крепостных крестьян. Были и совершенно сказочные истории о том, что Пушкин живёт в глухом лесу и иногда выходит на опушку, где поёт свои то ли стихи, то ли песни. Такой вот образ поющего лешего. Но другие слухи гласили, что Пушкин вовсе не леший, а совсем наоборот — святой, Божий угодник.

Люди могли не знать «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», но имя Пушкина было им известно и дорого. Каким образом

происходило такое знакомство, можно представить себе на примере одного из произведений замечательного собирателя русского северного фольклора Бориса Шергина. Он жил одно время среди неграмотных поморов и целую зиму 1934—1935 годов читал и объяснял им произведения Пушкина, а после собирал и записывал их впечатления. Получился потрясающий сказ «Пинежский Пушкин», перед которым просто хочется умолкнуть с благоговением.

Эти необразованные люди сразу почувствовали сердцем, что Пушкин — это родное, своё. И кстати, в этом сказе Пушкин снова предстаёт в образе народного героя, который наряду с прочими подвигами ещё и со Змеем Горынычем борется. Так что количественно людей, читавших Пушкина, было в Российской империи немного, но вот дух пушкинской поэзии проникал даже в самые дремучие и безграмотные слои русского народа.

В советское время, в эпоху всеобщей грамотности, ситуация, разумеется, изменилась. Кинорежиссёр Андрон Кончаловский в одной из телепередач как-то рассказывал о любопытном социологическом исследовании той поры. Французским крестьянам и советским колхозникам были заданы два одинаковых вопроса: во-первых — как делают самогон? И во-вторых — кто самый главный поэт их народа? Ответы русских были просты и очевидны: с самогом — понятно, без комментариев, а вот главный поэт — Пушкин.

А у французов главного поэта нации определить не получилось. Хотя с самогом там всё оказалось в полном порядке и даже, наверное, похлеще, чем у нас. Но вот на второй вопрос внятного ответа так и не прозвучало.

Поэтому я всегда говорю, что Пушкин — это наш национальный миф. Миф не как сказка, а как средоточие важнейших национальных ценностей и смыслов. Как говорит мой друг, выдающийся филолог Юрий Чумаков: факт — это то, что бывает «когда», а миф — то, что «всегда».

Пушкин, безусловно, — то, что всегда, то есть — миф. Но сейчас этот миф подвергается серьёзному испытанию. Всё, что сейчас происходит с пушкинским наследием, да и со всей русской культурой, — это жестокое испытание на-

шего национального духа. Устоим ли мы перед нашествием американизированных стандартов и идеалов жизни, которые нам глубоко чужды в своей основе? Дай Бог...

На мой взгляд, американским культурным «символом веры» является произведение «Унесённые ветром» — как роман, так и кинофильм, где очаровательная главная героиня Скарлетт О'Хара в кульминационный момент клянётся сделать всё, чтобы никогда больше не голодать. Это — твёрдое плебейское кредо. Потому что Америка по духу своему — плебейская страна, такова её история, так она сформировалась, и глупо было бы с этим спорить.

У нас тоже есть своё национальное кредо, но совсем иное — «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Это и народное, и аристократическое кредо, поскольку оно предполагает ответственность высшего порядка за всё, что ты делаешь. И если бы неграмотный русский крестьянин умел так же, как Пушкин, выражать свои мысли и чувства, думаю, он сказал бы нечто подобное.

Но это в прошлом, а что сейчас? вспомните, в XX веке Пушкина то проклинали, то чуть ли не канонизировали, объявляли «нашим всем», видели в нем то революционера номер один, то светоч Православия. К чему же в итоге мы пришли? Чем стал Пушкин для наших современников?

Да, футуристы в начале прошлого века предложили «сбросить Пушкина с корабля современности», но ведь в то время пытались сбросить не одного только Пушкина. Тогда был период общего духовного слома. И Пушкин появился в этой формуле не просто как поэт, но как некий символ традиции, которую нужно отбросить, потому что она мешает обществу двигаться вперёд к светлому будущему. А сегодня ни с каких кораблей никого не сбрасывают. Просто бытует мнение, что Пушкин устарел

П.Ф.Соколов. Портрет А.С.Пушкина. 1836

и не отвечает запросам и чаяниям современного читателя. Причём так думают люди уже не очень грамотные и плохо знающие творчество Александра Сергеевича.

Я помню, как ещё в 1999 году, когда Россия отмечала юбилей поэта, один из телеведущих высказался: «Как говорил Пушкин, все мы вышли из гоголевской «Шинели». Хотя это слова Фёдора Михайловича Достоевского.

В том же юбилейном году московские улицы были украшены многочисленными растяжками с наиболее известными цитатами пушкинских стихотворений. На одной из них можно было прочесть: «...Средь шумного бала, случайно...» Конечно, очень поэтичная фраза, есть в ней некая недосказанность, глубина... Но самое главное, подпись: А.С. Пушкин!

Что тут скажешь? Строка из знаменитейшего романа на стихи А.К.Толстого каким-то странным образом оказалась приписана пушкинскому перу — и ни у кого это не вызвало особого возмущения!

А сейчас в связи с циклом передач о поэме «Евгений Онегин», который я делал на телевидении, мне довелось узнать мнение одного из сотрудников редакции канала: «Онегинский текст тяжело слушать!» Подчёркиваю, это было сказано человеком, работающим на телеканале «Культура».

На таком печальном фоне разговоры о том, что Пушкин устарел, звучат как симптом тяжкой духовной болезни всего нашего общества, теряющего связь со своими культурными корнями.

Пушкина не сбрасывают сегодня с корабля современности, его просто отодвигают от себя в сторону, как нечто бесполезное, по принципу: «Да, конечно, Пушкин это — прекрасно, но сейчас другое время, и современный человек вполне может без этого обойтись». Более того, мне даже приходилось выслушивать вопросы типа: «А нужно ли вообще сегодня преподавать классическую литературу в школах?». Я считаю, что для нашей культуры это уже в каком-то смысле эсхатологическая ситуация.

**Тогда — прощай,
Россия...**

К вопросу о преподавании Пушкина в школе. Я хорошо помню, как мы проходили «Евгения Онегина» в девятом классе по принципу — прочитал и забыл. В пятнадцать лет человек просто не готов адекватно воспринять такое серьёзное произведение, нет у него ещё ни достаточного жизненного опыта, ни культурного багажа. Как нужно преподавать школьникам Пушкина, не рискуя оттолкнуть их от его поэзии на всю оставшуюся жизнь?

Конечно, девятиклассникам преподавать «Евгения Онегина» бессмысленно. Это произведение для более взрослых читателей. А в пятнадцать лет, на мой взгляд, прекрасно будут восприняты «Дубров-

ский», «Капитанская дочка»... Даже «Повести Белкина» в восьмом классе будут уместны просто как занятные сюжетные истории, написанные прекрасным языком. Всей их глубины школьники, конечно, понять не смогут, потому что даже филологи с «Повестями Белкина» до сих пор не могут до конца разобраться. Но язык — это такая стихия, войдя в которую, непременно меняешься сам. И это очень важно именно для подростков.

А вот в старших классах преподавание серьёзных произведений Пушкина, да и вообще русской классики должно быть преобладающим. Конечно, нужно преподавать и шедевры литературы XX столетия, это бесспорно. Но если мы потеряем традиции преемственности классической русской литературы, если наследие великих авторов XIX века будет сложено в сундук и благополучно забыто, тогда — прощай, Россия. Тогда наша традиционная ментальность буквально за два поколения изменится настолько, что это будет уже совсем другая страна, которая мне, честно говоря, малоинтересна.

Именно в языке заложен, если можно так выразиться, некий генетический код русской культуры, само понятие «русскости». Ведь ни в одном европейском языке нет слова, которое в полной мере соответствовало бы русскому понятию «совесть». Есть латинское *conscientia*, французское *conscience*, итальянское *coscienza*, английское *conscience*, немецкое *Gewissen*, но все эти слова образованы из корня, обозначающего знание, всё это слова, в точном смысле соответствующие русскому слову «сознание».

И в древнегреческом языке нет слова «совесть». Есть даже специальная работа крупнейшего отечественного филолога-античника Виктора Ноевича Ярхо, которая так и называется «Была ли у древних греков совесть?», где он очень убедительно доказывает, что это понятие в древнегреческой литературе отсутствует. Там есть понятие стыда перед окружающими, то, что у В.И. Даля определено словами «слыть, слава».

В русской же классической литературе понятие совести является ключевым и наиглавнейшим для понимания и изображения русского

характера. Недаром Достоевский писал, что даже когда русский человек безобразничает, он всё равно помнит, что безобразничает. В классических произведениях русской литературы есть некая иерархия ценностей, вертикальное измерение бытия. А сейчас эта вертикаль и в жизни, и в культуре упразднена. Остаются одни горизонтальные связи.

На этом принципе основан весь постмодернизм, где все произведения расположены на одной плоскости и отделены друг от друга лишь расстоянием, а не иерархией. Вот пример: покойный Дмитрий Александрович Пригов, пусть земля ему будет пухом, переложил по-своему «Евгения Онегина» путём употребления двух слов — «безумный» и «неземной». Вместо всех пушкинских эпитетов он вставлял эти свои «безумный» или «неземной», в зависимости от ритмической структуры стихотворения. И почему-то считал это большим своим художественным достижением, он им очень гордился.

Поэтому, повторюсь, состояние отечественной культуры сегодня представляется мне весьма и весьма плачевным. Остаётся лишь верить в истину слов Чаадаева о том, что русский народ не принадлежит к нациям, которые развиваются по нормальной человеческой логике. Наше развитие происходит по верховной логике провидения. Кто знает, может быть, пройдёт время, и всё ещё изменится, несмотря на нынешние печальные обстоятельства. Просто очень жаль, что современные русские мальчики и девочки, такие умные, талантливые, свободные, могут лишиться себя этого бесценного сокровища — классической русской литературы, которую наше поколение сумело сохранить и пронести сквозь все ужасы истории XX века.

Мне не Пушкина сейчас жалко. Безумно жалко людей, которые растут и живут без него. Потому что они теряют такие ценности, без которых человеку очень трудно оставаться человеком.

Уроки афеизма, или «Поэт православного народа»

А теперь зададимся вопросом, который сейчас вызывает множество споров, в том числе и в церковной среде. Был ли Пушкин верующим человеком?

Я скажу так: до определённого момента он считал себя неверующим, потому что его так воспитали — французская литература, Вольтер, Дидро... В Лицее их, конечно, водили в церковь, к исповеди и причастию, но всё равно это было скорее для проформы. Лицейские методики воспитания и преподавания были во многом основаны на идеях французского Просвещения. И в идеологическом плане юный Пушкин был скорее атеистом, чем верующим. Но посмотрите его стихотворение «Безверие», написанное им в 1817 году для экзамена. Как он там описывает духовные страдания неверующего человека! Совершенно очевидно, что в этом лирическом стихотворении Пушкин изливает собственные переживания.

**Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.**

Придумать такое нельзя, это искренняя печаль человеческого сердца, лишённого веры. Конечно, это была всего лишь заданная на экзамене тема — неверие. Но если содержание этого стихотворения изложить несколько иным образом, то получилась бы прекрасная церковная проповедь. И все же он продолжает считать себя неверующим. Даже в 1824 году, когда он уже работает над «Борисом Годуновым» — который написан так, что и малейшего сомнения не возникает в том, что это произведение принадлежит перу глубоко верующего православного человека — даже тогда он пишет в письме Кюхельбекеру:

*«...читая Шекспира и Библию, Святой Дух
иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте*

и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма...»

То есть Пушкин соглашается с тем, что, скорее всего, Бога нет, но считает это ужасным фактом, который ему совершенно не нравится. И в то же время он пишет «Бориса», в котором описывает русскую историю так, как она не могла бы идти, если бы Бога не было.

После «Бориса Годунова» он меняет свои политические пристрастия. Пушкин становится спокойным монархистом, без всяких крайностей и истерик. Или, как потом скажет о нем Вяземский, — либеральным консервативом. И тогда же он обнаруживает, что всё-таки верит в Бога.

Пушкин понимал очень тонкое различие между личностью человека и его душой. Эти понятия часто сливаются воедино, но Пушкин знал, что они различны. Это тот самый случай, о котором Тертуллиан говорил, что душа человека по самой природе своей — христианка. Душа Пушкина всегда была христианкой, просто он до поры не знал этого или не хотел признавать. А потом — чем дальше, тем больше в нём начинает проявляться вера: «Борис Годунов», «Медный всадник», «Анжело» — откровенно христианские по духу произведения. Стихотворение «Странник» — потрясающей силы свидетельство веры. Это перевод английского автора Джона Буньяна, протестанта, но ничего специфически протестантского в пушкинском переводе нет:

**...Познай мой жребий злобный:
Я осуждён на смерть и позван в суд
загробный —
И вот о чём крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит.**

Ну, и последний его цикл 1836 года, где «Отцы-пустынники и жены непорочны...» —

переложение молитвы преподобного Ефрема Сирина, и перевод сонета об Иуде итальянского поэта Франческо Джанни «Как с древа сорвался предатель-ученик»... Здесь уже совершенно ясно, что все эти стихи написаны глубоко верующим человеком, они так и называются — Евангельский цикл.

И в то же время Пушкин не был человеком церковным. В храм он ходил редко и даже писал жене, которая была весьма набожна: «Помню, как ты молилась на коленях... Я не молитвенник, так хоть ты помолись за меня». Вера была в его сердце, но жил он очень по-разному.

Понимаете, быть поэтом — это ведь очень тяжёлая доля. Это — стихия, которая может унести человека куда-то даже вопреки его воле и желанию... Поэтому, когда я слышу разговоры о том, что Пушкин был православным поэтом, я всегда возражаю — нет, он им не был. Православный поэт — Хомяков, потому что он выражает в своих стихах православную идеологию. А Пушкин — поэт православного народа. Чувствуете разницу?

Он выражает в своих стихах душу православного народа, но не декларирует и не призывает... Нет, он, конечно, прекрасно знал Писание, читал и перечитывал Евангелие, пробовал писать о преподобном Савве Сторожевском, была у него рецензия на «Словарь о святых», причем написана таким слогом, что можно подумать, будто это принадлежит перу умудрённого жизнью старца. У Пушкина был интерес к духовной стороне жизни Церкви, но он не выпячивал его, всё таилось у него внутри, было скрыто от посторонних взоров.

Но когда он умирал, раненный на дуэли, и велел позвать священника, то батюшка из ближайшей церкви, принимавший у Александра Сергеевича исповедь, вышел от него и сказал: «Я себе желал бы такой кончины». Так потрясла священника глубина покаяния Пушкина.

А то, что Александр Сергеевич на смертном одре простил Дантеса, покусившегося на честь его жены, лишившего его репутации в обществе да и самой жизни — это говорит о христианстве Пушкина гораздо больше, чем любые устные и письменные свидетельства. Когда Дантас сказал ему, что собирается вызвать Дантеса на дуэль, уже умирающий в страшных мучениях Пушкин твердо сказал ему: «Нет, мир. Мир...». Он простил своего убийцу. Я считаю, это — проявление высочайшего христианского духа, который таким вот образом открылся в Пушкине за несколько минут до смерти.

И вообще, это ведь ещё Гоголь писал: «Говорить о вере брата твоего во Христе — дело страшное». Поэтому я всегда стараюсь очень осторожно высказываться о религиозных чувствах других людей. Их сердца видит Господь, а мы можем лишь строить какие-то предположения. Только чего они стоят?..